

УДК 159.9  
DOI: 10.25688/2223-6872.2021.39.3.7

## ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ГЕРОЯ В РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ

Д. В. Иванов,  
НГПУ, Новосибирск,  
*ivanovdirkutsk@yandex.ru*

Психологический образ героя, понимаемого как человек борющийся, имеет свою выраженность в российской культуре. Борьба — уникальное явление и для человека, и для общества. Поэтому идея о герое-борце, представленная в реалиях повседневной жизни, особенно тщательно прорабатывалась столетиями многими мыслителями и фиксировалась в разнообразных культурных текстах, представляющих интерес для истории отечественной психологии, отражающей достижения российской культуры, являющейся ее составной и важной частью. В наследии российской культуры можно наблюдать генезис философско-методологической аргументации, доказательности ценности борьбы для человека от частных, единичных высказываний до «объемного» восприятия смыслов и смыслообразов противоборства, зримо проявляемых в архетипах храбрости, довлеющих и над современными героями-борцами. Борьба определяет общий строй мыслей и чувств человека, формирует систему ценностей, способствует социализации. Системный анализ творческого наследия отечественных мыслителей различных эпох, их текстов, вошедших в российскую культуру, позволяет отметить, что здесь нашла свое отражение морфология борьбы, ее целесмыслы, причинность, мотивация и описание разнообразных борцовских действий, послуживших содержанием модельных характеристик героя — человека борющегося.

*Ключевые слова:* системный анализ; образ; герой; человек борющийся; борьба; архетипы храбрости; философско-методологическая аргументация; модельные характеристики.

*Для цитаты:* Иванов Д. В. Психологический образ героя в российской культуре: системный анализ // Системная психология и социология. 2021. № 3 (39). С. 82–92. DOI 10.25688/2223-6872.2021.39.3.7

**Иванов Денис Васильевич**, кандидат педагогических наук, доцент кафедры общей психологии и истории психологии Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск.  
E-mail: *ivanovdirkutsk@yandex.ru*  
ORCID: 0000-0002-2478-1468

**PSYCHOLOGICAL IMAGE OF THE HERO IN RUSSIAN CULTURE:  
SYSTEM ANALYSIS**

**D. V. Ivanov,**  
NSPU, Novosibirsk,  
*ivanovdirkutsk@yandex.ru*

The psychological image of the hero, understood as a “struggling man”, has its own expression in Russian culture. Struggle as a phenomenon is unique both for a person and for the society, therefore, the idea of a hero-fighter, presented in the realities of everyday life, has been especially carefully studied for centuries by many thinkers, recorded in various “cultural” texts important for the history of Russian psychology, reflecting the achievements of Russian culture, which is its integral and important part. In the heritage of Russian culture, one can observe the genesis of philosophical and methodological argumentation, evidence of the value of struggle for a person from private, single statements to the “three-dimensional” perception of the meanings and semantics of confrontation, visibly manifested in the archetypes of bravery, dominating over modern heroes-fighters. The struggle determines the general structure of a person’s thoughts and feelings, his behavior, helps to identify the main contours of the system of values and norms that allow him to socialize in a group. A systemic analysis of the creative heritage of Russian thinkers of various eras, their “texts” that have entered Russian culture allows us to note that the morphology of struggling, its meanings, causality, motivation and description of various struggling actions, which served as the content of the model characteristics of the hero — the man fighting, are reflected here.

*Keywords:* system analysis; image; hero; man struggling; struggle; archetypes of bravery; philosophical and methodological argumentation; model characteristics.

*For citation:* Ivanov D. V. Psychological image of the hero in Russian culture: system analysis // Systems Psychology and Sociology. 2021. № 3 (39). P. 82–92. DOI 10.25688/2223-6872.2021.39.3.7

**Ivanov Denis Vasilievich**, PhD in Pedagogical Sciences. Associate Professor at the Department of General Psychology and History of Psychology of the Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia.

E-mail: *ivanovdirkutsk@yandex.ru*

ORCID: 0000-0002-2478-1468

**Введение**

**Б**орьба представляет собой уникальное явление в жизни человека и человеческого общества. Идея о герое — человеке борющемся — представлена в реалиях жизни, отечественных литературных текстах, ее философско-методологической аргументации, психологических парадигмах и воспитательной практике [8: с. 38; 9: с. 9]. Она представляет интерес для современной психологии и ее истории, поскольку основные ситуации борьбы в их первоначальном проявлении, зафиксированные в общественных институтах, продолжают оказывать влияние на формирование системы ценностей личности. Дефиниции борьбы в умозаключениях, так или иначе

представленных в российской культуре, многоварианты. Борьба оказывает воздействие, предполагает взаимодействие и изменение внутренне-внешнего плана. Причины борьбы разнообразны: от личностно-ценностных (саморегуляция своих возможностей, демонстрация жизнеспособности и др.) и общественно-полезных (более глубокое познание возможностей других и т. п.) до армейско-военных (стимулирование героического поведения, доминирование специальных компетенций и др.). Представленность борьбы, ее описание в культуре позволяет выделить телесный и духовный аспекты, которые составили исторические, социокультурные, внутренние предпосылки к описанию феномена противоборства. Это особо значимо для истории

психологической мысли, являющейся важной частью российской культуры [20: с. 5], вобравшей в себя как научное, так и вненаучное (особо ценное, как считают теперь исследователи) психологическое познание — житейские представления, искусство, мифологию, религию и др. [10; 11: с. 62]. Все это становится актуальным на фоне поиска отечественной психологической мыслью своей исторической идентичности и единых, хотя и разнородных, знаний о человеке — основ для дальнейшего развития [17: с. 72; 18: с. 238].

### **Смысл и коннотации борьбы в российской культуре. Архетипический образ героя**

Смысл и коннотации борьбы имеют продолжительный генезис в отечественной культуре, начиная с социально-психологического механизма противопоставления «мы» и «они», базального для противоборства [1; 6: с. 3]. Как явление, борьба становилась условием сохранения общности ее целостности, она формировала представления о лучшем, добром, способствовала защите/охране человека (игры, ритуалы, обряды) [3: с. 10; 4: с. 3]. Борьба находит свое отражение в языке, в пословицах, поговорках — философско-психологических миниатюрах, в самой обрядово-праздничной культуре (в том числе в православных праздниках) [13: с. 76].

В процессе анализа семиотического значения понятия «борьба» важным является рассмотрение русских пословиц и поговорок: они призваны закрепить в сознании человека (и общества) субстанциональность и универсальность борьбы.

В наследии российской культуры, народной практике воспитания, оказания психологической помощи представлены специальные воинские (ратные) и борцовские заговоры [7: с. 297]. Произнося такой заговор, человек верил, что содержащаяся в ритме следующих друг за другом слов-формул сила, охраняющая его, позволяет успешно проявить свои умственные, духовные и телесные возможности. Сакральная семантика единоборства

представлена в различных ритуалах, а также в тризне и ее поздних вариациях, в почитании и культе предков. Современные условия жизни позволяют сохранять традиции подобных ритуалов, поэтому исследователи-психологи имеют в своем распоряжении разнообразную, пришедшую из глубины истории корреспонденцию об обрядовой борьбе (имитативной магии), ее субституциях (замещениях) в социальной практике вплоть до настоящего времени и ее влиянии на психологию человека.

Борьба институализирована на уровне воспитательной практики и в ходе исторического развития, она закреплялась как ритуализированная интенция (игра-испытание, игра-забава, игра-научение), способствующая проявлению у участников их интеллектуальных, духовных, физических (телесных) возможностей. Борьба способствовала научению действиям в противостоянии обстоятельствам и окружающим, фокусируя их в воинские навыки, в умение индивида адекватно воспринимать ситуацию, стремиться к успеху, осуществлять поиск важных, недостающих качеств. В широком плане борьба помогает обнаружить функциональную зависимость личностных особенностей от стереотипных воздействий, связь между индивидуальным психологическим опытом и спецификой поведения индивида.

В целом в рамках социального института воспитания борьба прогрессировала от архаических способов своего проявления до специфической подростково-юношеской ритуализации и мужской системы коммуникации, стиля взаимоотношений, восприятия значимого социального опыта и его передачи последующим поколениям.

Борьба, включенная в систему коммуникации, являющаяся архетипической ситуацией, способствовала созданию образа человека-героя, архетипа борца с развитым единоборческим мировоззрением, ощущением мира как сферы своей борьбы и осуществления себя. Сущность образа героя-единоборца рельефно предстает в мифах, былинах, сказках.

Эпическая песня — русская былина, культурный текст, а затем и сказка «социализируют» борьбу, дают ей вербальное культурно-

обрядовое обрамление и ориентируют каждое молодое поколение на особенный героический стиль. В плане социализации борьба облекается свойствами — феноменологическими особенностями: поле как весь мир для борьбы добра и зла, интеракция как ритуал взаимодействия, интенция как взаимонаправленность действий, постепенное встраивание возможностей в соучастие героев единоборства [9: с. 14].

Более детальный анализ феноменологических особенностей борьбы и ее вербального обрамления как героического стиля, описанного в былинах, дает возможность рассмотреть различные проявления архетипа героя-храбора, храброго человека-борца (Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алеша Попович) [5: с. 150; 9: с. 15].

Психология понимает под архетипом изначальный образ. Сущность образа героя-единоборца, обнаруживающаяся в борьбе с противниками, представлена уже в цикле былин об Илье Муромце. Образ этого героя задается психологическими моделями умонастроения русских сказителей. Характер его борьбы витальный, но Илья способен к самоконтролю и преобразованию своей силы, зависящей, правда, от сакральных, трансцендентальных источников, в творческое соучастие в борьбе со своими противниками. Способы его действий позволяют слушателю былин рассмотреть реальность отношений и многофункциональность борьбы как ценности для индивидуального сознания человека. Борьба активизирует потенциальные возможности героя и является необходимым условием становления личности.

Другим архетипом храборства является былинный образ Добрыни Никитича. Его борьба ситуационная, она подпитывается вариациями возникающих в ходе жизни возможностей. Добрыня-единоборец проявляет себя и свои потенциальные возможности в зависимости от обстоятельств.

Более поздним по сравнению с Ильей Муромцем и Добрыней Никитичем является героический образ Алеша Поповича [9: с. 18]. В нем отмечается поворот в мифологическом сознании от изображения необычайной телесно-психической мощи героя-защитника,

предрешающей исход борьбы с его врагом, в сторону описания нравственно-психологических качеств первого (ловкий, удалой, бесшабашный, жизнерадостный, лукавый, задорный). Алеша Попович уже не наделяется большой физической силой, как другие герои-единоборцы былинных циклов, зато он «напуском смел», и это позволяет ему одерживать свои победы. Алеше Поповичу свойственен игровой характер борьбы, его образ становится более человеческим, обыденным; он играет со своими противниками, а играя — обманывая, — он их побеждает.

Анализируя образы былинных героев-единоборцев, можно заключить, что архетипы былин позволяют определить важное место борьбы (витальной, ситуационной, игровой) в сознании русского человека, ее значимость для самоопределения последнего в ценностных представлениях о мире, созидании собственного образа. Борьба в былинах, сказаниях имеет не только словесное описание, укладывающееся в формулы словосочетаний, но и в психологическое наполнение пространственных (внутренних и внешних), интеракционных и интенционных параметров возникающей реальности в поведении человека.

Героические песни, былины, легенды обозначают суть созидания психологии русского человека, позволяют передавать духовный, нравственно-ценный опыт от одного поколения к другому. В былинах, сказаниях, сказках представлена морфология борьбы — целесмыслы, обусловленные причинностью и мотивами, последующие действия (сам процесс борьбы). Целесмыслы борьбы помогают найти причинность и обосновать мотивацию будущих индивидуальных действий, осознать интенционную потребность, сформировать смысло-текстовую структуру — «выписанность» борьбы, ее жизненных приложений.

### **Представления о борьбе в памятниках русской культуры эпохи Древней Руси и Московского царства**

Феномен борьбы в метафорической, символической и буквальном форме нашел свое описание в разнообразных, разножанровых

отечественных источниках, благодаря которым человек другой эпохи смог донести до современности свое представление о борьбе в контексте социальных, материальных и духовных ценностей, в рамках широкого психологического опыта.

Наследие отечественной культуры — литературные произведения — тексты, содержащие описание борьбы, со времен Древней Руси и Московского царства имеют ряд системно-взаимосвязанных критериев, среди которых иерархичность смыслов противоборства; наличие концептов телесной и духовной борьбы; литературные и психологические формулы борьбы. Среди таких источников, позволяющих истолковать феноменологию и психологию борьбы, отмечаются скриптурные, литургические, вероучительные, проповеднические, житийные (агиографические), апокрифические и др. (русские летописи: Лаврентьевская, Ипатьевская, Галицкая и др.; учительные слова Феодосия Печерского, «Поучение» Владимира II Мономаха; послания митрополита Никифора I; «Поучение» Серапиона Владимирского; «Лествица» Иоанна Синайского, «Диоптра» Филиппа Пустынника; сборник «Златая цепь»; Житие Александра Невского; «Житие Ермаково» и др.; воинские повести; сборник изречений «Пчела»; «Палея Толковая»; патерики; Макарьевские «Великие Четьи-Минеи», философско-психологические, публицистические сочинения Ивана IV, И. С. Пересветова, А. М. Курбского, Ермолая Еразма, К. Истомина, Аввакума; духовные стихи; воинские песни; апокрифы) [2: с. 116; 12; 15: с. 102]. Литературные произведения как живые источники формировали в общественном и индивидуальном сознании идеи о борьбе и человеке борющемся.

Идея борьбы, ее сущность нашли свое описание и, что более важно, свое осмысление в разножанровых источниках, литературных памятниках, относящихся в полной мере к истории отечественной психологической мысли, широкому психологическому опыту, отрефлексированному в контексте социальных, материальных и духовных ценностей [16: с. 10]. Такие тексты можно обозначить как источники, в которых обнаруживается иерархичность смыслов противоборства, а также

концепты телесной и духовной борьбы человека.

В общем, отечественная психологическая мысль живо откликнулась на идею борьбы как важную проблему «осуществления» человека, общества (и государства); как составляющую жизнеобустроительного психологического учения и необходимого праксиологического знания телесности и духовности; как художественно-пластическую форму осмысления действительности. И если изначально представленность идеи борьбы происходила на уровне описания, то впоследствии она прошла стадию рефлексии и кумулировалась в общий идеогенез смыслов бытия и назначения русского человека.

Для отечественной психологической рефлексии характерными являются две тенденции осмысления борьбы (ее морфологии и генезиса), а именно: от внешней к внутренней — от армейско-военной причинности к общественно-полезной и личностно-ценностной (мирская житийная литература, воинские повести, воинские и исторические песни, летописи, поучения и т. д.); от внутренней к внешней — от личностно-ценностной и общественно-полезной причинности к армейско-военной (скриптурные, вероучительные, проповеднические, агиографические, апокрифические источники, наставления, поучения, послания и т. д.).

Святоотеческая, многосмысловая литература — патристика, базирующаяся на аретологии, исихазме и аскетизме, подводила человека к мысли о борении, способствующему завоеванию пространства внутренней свободы, восхождению к Богу, к себе для реализации потенциала в добродетельности и претворению добра в мире.

Светские представления, героика и коннотации о противоборстве, основанные на социально-опытном осмыслении нужности и данности борьбы, находили понимание в обществе, стремящемся к жизнеспособности и жизнестойкости.

Разножанровые отечественные милитарные источники, их содержание зримо свидетельствует о проработанности проблематики борьбы, хотя бы на уровне ее причинности и смыслов. В конечном итоге святоотеческая и светская литература эпохи Древней Руси

и времен Московского царства способствовали становлению всего того, что так или иначе легло в основу философско-методологической аргументации противоборства, психологической мысли и формирования представлений о человеке борющемся в более поздние периоды истории.

### **Генезис философско-методологической аргументации ценности борьбы в российской культуре**

Генезис философско-методологической аргументации ценности борьбы происходил постепенно, историко-психологическая реконструкция идей о ней осуществлялась в соответствии с движением мысли в обоих направлениях — от прошлого к настоящему и от настоящего к прошлому, — что позволило воссоздать «объемное» восприятие смыслов и смыслообразов противоборства. В ходе генезиса представлений о борьбе у ее отечественных апологетов постепенно исчезает синкретизм, размытость и неопределенность многозначных и многофункциональных метафор и аллегорий, фактически все, что было характерно для «борцовских» источников прошлого. Философские и психологические идеи и представления о борьбе благодаря постепенному наполнению содержания все новыми ценностями формируют концептуальный строй философско-методологической аргументации противоборства вплоть до настоящего времени. Аргументированно выступающие в пользу борьбы и ее значимости в жизни человека мыслители (апологеты борьбы) рассматривают различные ее формы, виды и проявления в дихотомии: внутреннее – внешнее; гармоничное – дисгармоничное; контингентное – неkontингентное; имплицитное – эксплицитное; деструктивное – конструктивное; ритуализированное – неритуализированное; прогрессивное – регрессивное. В приведенной дихотомии можно условно выделять приверженцев той или иной дефиниции борьбы, поскольку высказывания российских мыслителей носят более объемный характер, зачастую выпадающий за пределы требуемого для анализа

описания противоборства. Антропологическое (в основном) звучание проблемы человека в транскрипции, унаследованных многими поколениями отечественных мыслителей, философско-психологических представлений о человеческом противоборстве позволяло им свободно интерпретировать явление борьбы и ее значение в непрерывности исторического хронотопа.

Все отечественные мыслители, так или иначе обращавшиеся к теме человеческого противоборства, доказательно отмечают совпадение границ возможного, должного и данного — конгруэнтность борьбы, человека и его бытия. В их рефлексии появляются совокупности понятий, которые внутренне взаимосвязаны и отражают сущность и функциональную природу борьбы, благодаря чему раскрывается и сущность самого человека.

Идеалом российских мыслителей является герой-борец — духовная, высоконравственная, цельная, всесторонне развитая личность (индивидуальность), отдающая себя на благо народа, общества (и государства). Представления о борьбе («борении»), отрефлексируемые в рамках характерного для отечественной культуры образа мышления, стали основой развития идеи о человеке борющемся в российской психологии.

Представления о герое-борце отличаются рядом характерных особенностей. Они базируются на сложившейся доказательной системе взглядов, рассматривавшей проблему человека и выделившей идею борьбы в качестве значимой для ее решения. Они позитивно воспринимались в социально-философском и антропологическом их рассмотрении отечественной психологической мыслью. В XI–XVII вв. человек определялся как борец за веру и абсолютный идеал. Нравственное отношение к собственному бытию и самому себе, потребность в совершении духовных, социально-значимых, армейско-военных подвигов являются сквозными характеристиками русского человека, а их антропологическое и социально-философское осмысление в философско-психологических текстах, памятниках религиозной и светской литературы — определяющим в понятии «святая Русь».

Русское Просвещение (XVIII – первая треть XIX вв.) также искало ответы на вопросы о сущности человека, его месте в окружающем мире. Человек в понимании отечественных просветителей естественен, он часть природы (ее дитя), разумен, следовательно, склонен к творчеству, применению законов природы для собственного блага. Человек обладает чувственным и разумным началами и борется за гармонизацию и творческое преобразование. Как личность он проходит духовное и нравственное становление, преодолевая трудности и сложности психологического развития (воля и аффекты). Человек социален и должен занять высокое место в мире благодаря развитию творческих способностей и стремлению к общественно-полезной борьбе, достаточно лишь его достойно воспитать.

Психологическая мысль в России второй половины XIX в. уникальна и самобытна в рассмотрении психологических проблем. В ней оказались сильны и традиции предшествующих поколений, и вера в бесконечное совершенствование человека. Мир материальных, социальных и духовных ценностей заставлял отечественных авторов осмысливать конгруэнтность-неконгруэнтность человека, бытия, борьбы и тем самым направлял российскую психологическую мысль в ее становлении.

Отечественная философско-методологическая аргументация противоборства способствовала распространению психологического способа описания и объяснения проблемы человека в развивающейся российской психологии (конец XIX – начало XX в.)<sup>1</sup>. Хотя идеи о борьбе и человеческом борении мыслились в рамках традиционных этических представлений о человеке как о верующем, благоразумном, преданном, тем не менее они потребовали нового, уже психологического, описания его познавательных возможностей, познавательного потенциала, эмоционально-чувственного и волевого миров, личностной сферы.

<sup>1</sup> Иванов Д. В. Системные представления о человеке борющемся в отечественной психологической мысли конца XIX – начала XX века // Системная психология и социология. 2020. № 2 (34). С. 108–118. DOI: 10.25688/2223-6872.2020.34.2.09

Человек выделялся российским психологам конца XIX – начала XX в. как уникальное явление («дитя природы», «цельное общественное существо», «культурно-творческая сила», «индивидуальная личность» и т. п.), имеющий возможность бесконечного совершенствования.

Особенностью описания человека была дихотомия природного – культурного, индивидуального – социального, ментального – физического, телесного – психического, взаимодополняющая целостное видение психологической проблематики. Эти соподчиненные понятия зачастую противостоят друг другу в психологических высказываниях отечественных исследователей, однако помогают выявить основные конструкторы и нарративы, представить гнозис борьбы в их характеристиках и описаниях человека.

Сам гнозис борьбы в функционально-содержательном значении очень ценен для понимания проблематики, связанной с темой «человек борющийся» в отечественной психологической мысли и более позднего времени (советского и постсоветского) [14: с. 252; 19: с. 118], в частности в том, что касается его познавательного потенциала, социальной активности и борцовской позиции в нравственном и политическом ее преломлении.

### **Психологический образ героя, его качества и характеристики**

Концепт борьбы в описании российскими психологами сенсорных возможностей человека возникает как идея о преодолении («победимости») сопротивления, осязаемого человеком. Жизнеощущения начинаются с проявлений борьбы на сенсорном уровне: чувство борьбы составляет основание жизненного опыта человека. Развитие перцепции реализует познавательные возможности человека в борьбе за целостность и полноту жизни, формируют перцептивный образ Я-борющегося. Представление «как творческая сила» направляет развитие познавательных моделей самосовершенствования, а также способствует трансляции совокупности средств и форм противоборства через поколения. Память

формирует индивидуальный опыт и возможности героя-борца. Индивидуальная память во взаимосвязи с исторической участвует в актуализации (запечатлении, сохранении, воспроизведении) психологических моделей борьбы, реализует ментальные, физические, телесно-психические формы мнемической реальности. Типология мышления влияет на развитие «духовного богатыря», усовершенствование его ментальной подвижности. Индивидуально-личностная содержательность мыслительных интенций определяет познавательные возможности человека борющегося. Он требует развития воображения для активизации познавательных возможностей, направления своих борюще-творящих интенций на воплощение создаваемых идеальных миров, образов, ценностей в повседневности. Своевременное обучение языку способствует самораскрытию борюще-творящих интенций. Язык, превращаемый в речь, воплощается в текстах, увлекая идеей борьбы новые поколения людей. Герой — человек борющийся — сам предстает как «борцовский текст», «история духовной жизни народа», показывает вершины развития и самопознания. Речь, обуславливающая прогресс мысли, соединяясь с мышлением, помогает описывать его бытие, вербализирует смысл опыта борьбы, входящего в отечественную культуру. Внимание борющегося человека, его сосредоточенность («зоркость») помогают понять организующую/самоорганизующую действенность индивида.

Эмоционально-чувственный мир человека преобразуется благодаря его борьбе. Высшие чувства — эстетические, интеллектуальные, нравственные — направлены на упорядочивание интенций борьбы в должном, социально требуемом русле накопления опыта и формируют их нормативно-моральную оценку. Человек переживает героическое как прекрасное, сущностное, что составляет «борцовскость» его поведения.

В духовном мире борющегося героя борьба дифференцирует волевые усилия, волевое напряжение, гармонизирует влечения и потребности индивида. Свою высшую добродетель человек развивает в борьбе. Волевой мир приемлет витальную, ситуационную, игровую борьбу, которая инициируется

как личностно-ценностная, общественно-полезная, армейско-военная. Культура и общество зачастую требуют от человека в определенных историко-временных условиях «бойцовских способностей», и волевой мир конструирует их в реальности.

В описаниях российских психологов эмоционально-чувственный и волевой миры включают глубинные диспозиции смыслообразования действий и переживаний индивида, способствуют теоретико-методологическому и праксиологическому пониманию проблемы человека борющегося.

Человек борющийся представлялся российским мыслителям как индивид, стремящийся к физическому (телесному), духовному, личностному, культурному совершенству, преодолевающий препятствия на своем пути. Для описания достижений использовались нарративы и конструкты борьбы, парадигмы человека борющегося. Конструкты как значимые понятия создают общее представление о ситуациях, способах, возможностях возникновения и протекания борьбы.

В ходе ретроспективной психологической интерпретации такие нарративы выделены как небольшие повествовательные тексты, включенные в различные значимые для культуры источники. Они многоплановы и порождают парадигмы героя — человека борющегося, — имеющие место в отечественной психологической мысли, представленной в российской культуре.

Для отечественной психологии показательными являются телеологическая, синергетическая и аксиологическая парадигмы, которые более глубоко раскрывают морфологию борьбы и проблему человека борющегося. Телеологическая парадигма апеллирует к целям, синергетическая — к самоорганизованности, в то время как аксиологическая объясняет борьбу организованностью человека.

Парадигмы содержат модельные характеристики героя, причем как на стадии его становления, так и на стадии проявления им своих возможностей.

Модельными характеристиками стадии становления человека служат внутренняя свобода, рациональность, изменчивость и совершенствование качеств и свойств личности



(даже при наличии внутренних констант), потребность в личностном росте и самосовершенствовании («желание подвига»), самопознании и познании других.

Стадия проявления борющимся человеком своих возможностей (познавательного потенциала, эмоционально-чувственного и волевого миров и т. д.) характеризуется такими модельными составляющими, как нравственность, духовность, разумность, мирозерцание, патриотичность, вера в высшие ценности и идеалы, устремленность в будущее, стремление к высшим переживаниям (чувствам), самопознаваемость, самодеятельность, потребность в познании других, интеллектуализация как способность воспринимать мир разносторонне, цельность, волевой характер, мужество, смелость, общительность и мечтательность.

Структурными компонентами модели человека борющегося являются его действия (борьба), интересы, опыт, наклонности, настроения, характер и индивидуальность. Способами моделирования (развития и формирования, социализации и воспитания) выступают труд, игра, обучение, искусство, физическая культура, особенно в тех своих вариациях, когда борьба (противоборство) является сущностью их содержания. Именно они позволяют организовать человека, ставить перед ним цель, также создавать условия для самоорганизации себя в устремленности к идеалам.

Благодаря названным характеристикам и структурным составляющим модели героя он может быть описан как человек борющийся и может быть объяснена основная историко-психологическая тенденция разрешения этой проблемы в российской культуре.

### Выводы

1. Борьба и ее парадоксальная природа нашли отражение в языке, текстах, действиях, повседневности человека.

2. В философско-психологических произведениях, представленных различными текстами, нашедшими свое место в российской культуре, где показана морфология борьбы, включаются «описания» ее целесмыслов

(от возвышенно-ценных до праксиологических), причинность возникновения, мотивация (как для отдельного человека, так и общества в целом), описание действий (от значимых моментов до структурно-взаимосвязанных актов). Воззрения отечественных мыслителей, благодаря их историко-психологической реконструкции и системному анализу, входят составной частью в историю психологической мысли, особенно в вопросы, касающиеся сущности человека, богатства его внутреннего мира (психики), развития и воспитания личности.

3. Системный анализ творческого наследия российских мыслителей, позволяет объединять в единое целое философско-психологические представления о борьбе и герое — человеке борющимся, — начиная с эпохи Древней Руси и Московского царства и до новейшего времени.

### Заключение

Проведенный системный анализ, историко-психологическая реконструкция представлений о борьбе, идеи о герое в российской философско-психологической мысли, позволяют выявить ряд закономерностей: во-первых, борьба априорно присутствует в смыслогенезисе деятельности и всего, что присуще человеку; во-вторых, имеет психологическое содержание и позволяет описывать человека как героя; в-третьих, интерес к ней постоянен на протяжении всей российской истории (всей философско-психологической мысли), находит свое отражение в культуре.

Актуализация социально-исторического, ментального опыта идеи о герое — человеке борющимся, — характерная для отечественной психологической мысли, а также осуществление поиска смысловой опоры становления современного человека достижимы, если происходит: 1) обеспечение возможности воспроизведения в повседневности нарративов и парадигм героя — человека борющегося, и их реализация как способа преодоления негативных явлений в жизни индивида; 2) формирование у человека единого мировоззрения, основу которого составляют духовность и нравственность, сам поиск

нравственной гармонии с окружающим миром; 3) идентификация индивидуальных борцовских интенций и общественных устремлений, обнаружение и воспитание таковых в равносоотнесенности и проекциях друг на друга; 4) гармоничное, целостное развитие

человека на основе поиска единства требований общества к общественно-полезной борьбе и потенциальным возможностям личностно-ценностного противоборства; 5) развитие положительной мотивации к гнозису борьбы как способу самосовершенствования.

### Литература

1. **Алимов В. Ш.** Конфликт, борьба и состязание // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 12-3 (86). С. 13–15.
2. **Бычков В. В.** 2000 лет христианской культуры *sub specie aethetica*: в 2 т. Т. 2: Славянский мир. Древняя Русь. Россия. М.; СПб.: Университетская книга, 1999. 527 с.
3. **Горбунов Б. В.** Народные виды спортивной борьбы в традиционно-бытовой культуре славян XIX – начала XX в. Историко-этнографическое исследование: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1990. 24 с.
4. **Горбунов Б. В.** Воинская состязательно-игровая традиция в народной культуре русских. Историко-этнографическое исследование: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1997. 547 с.
5. Добрыня Никитич и Алеша Попович / изд. подгот. Ю. И. Смирнов, В. Г. Смолицкий; отв. ред.: Э. В. Померанцева. М.: Наука, 1974. 448 с.
6. **Дьяченко М. И., Кандыбович С. Л., Караяни А. Г.** История отечественной военной психологии: учебник. М.: Проспект, 2021. 488 с.
7. **Забылин М. М.** Русский народ, его обычаи, предания, суеверия и поэзия. М.: Изд. М. Березина, 1880. 614 с.
8. **Иванов Д. В.** Феномен борьбы в социальной антропологии и психологии личности: историко-психологический и философско-культурологический аспекты: учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2003. 64 с.
9. **Иванов Д. В.** Представление о феномене борьбы в российской философско-психологической мысли (XIX – начало XX в.): монография. Иркутск: Изд-во ИрГСХА, 2006. 88 с.
10. **Кольцова В. А., Медведев А. М.** Об изучении истории психологии в системе культуры // Психологический журн. 1992. Т. 13. № 5. С. 3–11.
11. **Кольцова В. А.** История психологии. Проблемы методологии: монография. М.: ИП РАН, 2008. 512 с.
12. **Костецкий В. В.** Аристократические истоки духовной культуры // Педагогика. 2011. № 2. С. 25–31.
13. **Климов Е. А.** Психологическая мысль в народном сознании далекого прошлого. М.: Моск. психол.-соц. ин-т, 2006. 136 с.
14. **Петровский А. В.** История советской психологии. Формирование основ психологической науки: монография. М.: Просвещение, 1967. 367 с.
15. Поучение Владимира Мономаха / сост.: К. С. Жуков. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 304 с.
16. Русская душа. Тысяча лет отечественного любомудрия: сб. / сост. и авт. вступ. ст.: С. В. Перевезенцев. М.: Роман-газета, 1994. 240 с.
17. **Рыжов Б. Н.** Системная психология: монография. 2-е изд. М.: Т8 Издательские Технологии, 2017. 356 с.
18. **Рыжов Б. Н.** История психологической мысли. Пути и закономерности: учеб. пособие. 2-е изд., перераб и доп. М.: ФЛИНТА, 2021. 352 с.
19. **Смирнов А. А.** Развитие и современное состояние психологической науки в СССР: монография. М.: Педагогика, 1975. 352 с.
20. **Соколов М. В.** Очерки истории психологических воззрений в России в XI–XVIII веках: монография. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1963. 420 с.

### References

1. **Alimov V. Sh.** Konflikt, bor`ba i sostyazanie [Conflict, struggle and competition] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul`turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy` teorii i praktiki [Historical,

philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. 2017. № 12-3 (86). P. 13–15.

2. **By'chkov V. V.** 2000 let xristianskoj kul'tury` sub specie aesthetica: v 2 t. T. 2: Slavyanskij mir. Drevnyaya Rus`. Rossiya [2000 years of Christian culture sub specie aesthetica: in 2 vol. Vol. 2: Slavic world. Ancient Russia. Russia]. M.; SPb.: Universitetskaya kniga, 1999. 527 p.

3. **Gorbunov B. V.** Narodny'e vidy` sportivnoj bor'by` v tradicionno-by'tovoj kul'ture slavyan XIX – nachala XX v. Istoriko-e'tnograficheskoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Folk types of wrestling in the traditional everyday culture of the Slavs of the XIX – early XX centuries. Historical and ethnographic study: autoref. dis.... Candidate of Historical Sciences]. M., 1990. 24 p.

4. **Gorbunov B. V.** Voinskaya sostyazatel'no-igrovaya tradiciya v narodnoj kul'ture russkix. Istoriko-e'tnograficheskoe issledovanie: dis. ... d-ra ist. nauk [Military adversarial and game tradition in the folk culture of Russians. Historical and ethnographic study: dis.... Dr. of Historical Sciences]. M., 1997. 547 p.

5. Dobry'nya Nikitich i Alesha Popovich [Dobrynya Nikitich and Alesha Popovich] / izd. podgot. Yu. I. Smirnov, V. G. Smolickij; otv. red. E`. V. Pomeranceva. M.: Nauka, 1974. 448 p.

6. **D'yachenko M. I., Kandy'bovich S. L., Karayani A. G.** Istoriya otechestvennoj voennoj psixologii: uchebnik [History of Russian military psychology: textbook]. M.: Prospekt, 2021. 488 p.

7. **Zaby'lin M. M.** Russkij narod, ego oby'chai, predaniya, sueveriya i poe'ziya [Russian people, their customs, traditions, superstitions and poetry: monograph]. M.: Izd. M. Berezina, 1880. 614 p.

8. **Ivanov D. V.** Fenomen bor'by` v social'noj antropologii i psixologii lichnosti: istoriko-psixologicheskij i filosofsko-kul'turologicheskij aspekty`: ucheb. posobie [Phenomenon of struggle in social anthropology and psychology of personality: historical, psychological and philosophical and cultural aspects: textbook]. Irkutsk: Izd-vo IrGTU, 2003. 64 p.

9. **Ivanov D. V.** Predstavlenie o fenomene bor'by` v rossijskoj filosofsko-psixologicheskoy my'sli (XIX – nachalo XX v.): monografiya [Idea of the phenomenon of struggle in Russian philosophical and psychological thought (XIX – early XX centuries): monograph]. Irkutsk: Izd-vo IrGSXA, 2006. 88 p.

10. **Kol'czova V. A., Medvedev A. M.** Ob izuchenii istorii psixologii v sisteme kul'tury` [On the study of the history of psychology in the system of culture] // Psixologicheskij zhurn [Psychological journal]. 1992. Vol. 13. № 5. P. 3–11.

11. **Kol'czova V. A.** Istoriya psixologii. Problemy` metodologii: monografiya [History of psychology. Problems of methodology: monograph]. M.: IP RAN, 2008. 512 p.

12. **Kosteczkiy V. V.** Aristokraticheskie istoki duxovoj kul'tury` [Aristocratic origins of brass culture] // Pedagogika [Pedagogy]. 2011. № 2. P. 25–31.

13. **Klimov E. A.** Psixologicheskaya my'sl' v narodnom soznanii dalekogo proshlogo [Psychological thought in the popular consciousness of the distant past]. M.: Mosk. psixol.-socz. in-t, 2006. 136 p.

14. **Petrovskij A. V.** Istoriya sovetskoj psixologii. Formirovanie osnov psixologicheskoy nauki: monografiya [History of Soviet psychology. Formation of the foundations of psychological science: monograph]. M.: Prosveshhenie, 1967. 367 p.

15. Pouchenie Vladimira Monomaxa [Teaching of Vladimir Monomakh: collection] / sost. K. S. Zhukov. M.: OLMA Media Grupp, 2014. 304 p.

16. Russkaya dusha. Ty'syacha let otechestvennogo lyubomudriya: sb. [Russian soul. A thousand years of domestic love: collection] / sost. i avt. vstup. st. S. V. Perevezencev. M.: Roman-gazeta, 1994. 240 p.

17. **Ry'zhov B. N.** Sistemnaya psixologiya: monografiya [Systems psychology: monograph]. 2-e izd. M.: T8 Izdatel'skie Teknologii, 2017. 356 p.

18. **Ry'zhov B. N.** Istoriya psixologicheskoy my'sli. Puti i zakonomernosti: ucheb. posobie [History of psychological thought. Paths and patterns: textbook]. 2-e izd. M.: FLINTA, 2021. 352 p.

19. **Smirnov A. A.** Razvitie i sovremennoe sostoyanie psixologicheskoy nauki v SSSR: monografiya [The development and modern state of psychological science in the USSR: monograph]. M.: Pedagogika, 1975. 352 p.

20. **Sokolov M. V.** Ocherki istorii psixologicheskix vozzrenij v Rossii v XI–XVIII vekax: monografiya [Essays on the history of psychological views in Russia in the XI–XVIII centuries: monograph]. M.: Izd-vo APN RSFSR, 1963. 420 p.